

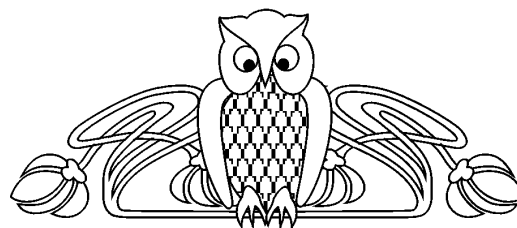
- ² Garapon J. La culture d'une princesse. Ecriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627–1693). Paris, 2003. P. 34.
- ³ Garapon J. La Grande Mademoiselle mémorialiste. Une autobiographie dans le temps. Genève, 1989. P. 181.
- ⁴ Ibid. P. 183.
- ⁵ Lesne E. La poétique des mémoires (1650–1685). Paris, 1996. P. 410.
- ⁶ Viala A. La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris, 2008. P. 31. О трактовке этого термина см.: Павлова С. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 40–41.
- ⁷ Garapon J. La Grande Mademoiselle mémorialiste... P. 183.

УДК 821.161.1.09–2+929 Сухово-Кобылин

НЕПОЗНАННЫЙ ВАРРАВИН. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗОВ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет
E-mail: zahodite@mail.ru

В статье рассматривается образ генерала Варравина – главного и единственного двигателя интриги в драме «Дело» А. В. Сухово-Кобылина. Особо подчеркивается неоднозначность и противоречивость данного образа.

Ключевые слова: Сухово-Кобылин, образ, поэтика, драма, игра.

Unidentified Varravin. To the Poetics of A. V. Sukhovo-Kobylin's Characters

К. М. Zakharov

The article regards the character of General Varravin – the main and only character moving the scheme forward in the drama «The Case» by A. V. Sukhovo-Kobylin. The ambiguity and inconsistency of this character are specifically highlighted.

Key words: Sukhovo-Kobylin, character, poetics, drama, play.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-67-69

В драме А. В. Сухово-Кобылина «Дело» статский советник Максим Кузьмич Варравин выглядит главным отрицательным лицом – воплощением коррумпированной петербургской бюрократии. При всей своей убедительности этот образ лишен законченности, некоей целостности, однозначности. С одной стороны, по тексту раскиданы обильные намеки на демоническую природу управителя судебной канцелярии. Рассказывая о своем опыте дачи взятки «Великому Зверю» Антону Трофимычу Креку, приказчик Муромского Иван Сидоров называет Крека «отцом» нечистого воинства чиновников:

«Иван Сидоров. И дело сделал. Как есть, – как махнул он рукой, так вся сила от нас и отвалилась. <...> Да что ж тут мудреного? Ведь это все его Воинство; ведь он же их и напустил»¹.

От Крека («Великого Зверя») Иван Сидоров немедленно переходит к рассказу об антихристе:

«Иван Сидоров. Верьте Богу, так. Да вы слышали ли, сударь, какой в народе слух стоит? <...> Что антихрист народился. <...> антихрист

этот не то что народился, а уже давно живет и, видите, батюшко, уже в летах, солидный человек. <...> служит, и вот на днях произведен в действительные статские советники – пряхку имеет за тридцатилетнюю беспорочную службу. Он-то самый и народил племя обильное и хищное – и все это большие и малые советники, и оно племя всю нашу христианскую сторону и обложило; и все скорби наши, труды и болезни от этого антихриста действительного статского советника, и глады и моры наши от его отродия; и видите, сударь, светопреставление уже близко <...> (оглядывается и понижает голос), а теперь только идет репетиция...»²

В следующем действии статский советник Варравин называет Крека своим наставником, намекая зрителю, что он и есть фигурант слуха, пересказанного приказчиком-старовером.

С другой стороны, герой в своем внутритекстовом поведении наделен способностью совершать ошибки, сомневаться, даже испытывать страх, т. е. вести себя, как обыкновенный человек.

Варравин в «Деле» – главный плут и лицедей, находящийся в соперничестве со всеми остальными героями. Он соревнуется и с Муромским, и с Тарелкиным; даже с Князем и Весьма важным лицом. Все «Дело» – эта игра кукловода Варравина. С. Рассадин характеризовал всю варравинскую линию пьесы как своеобразно понимаемый акт творчества: «...Варравин – мастер и гений... по старинным цеховым законам... таковой обязан создать и предъявить свой шедевр. Сотворение шедевра увлекательно всегда. Этот шедевр – капкан для Муромского... взятка, которую Варравин берет тогда, когда всем, и даже многоопытному Тарелкину, кажется, что взять решительно нет никакой возможности»³.

Поставленный в непростые для осуществления своих замыслов условия, в которых, кроме всего прочего, нужно соблюдать видимую благо-

пристойность и образцовое поведение, Варравин не всегда имеет возможность заранее планировать свои шаги. Так, финальная хитрость Варравина, связанная с исключением Тарелкина из доли, изображается автором как импровизация. Первоначально Варравин не собирался обманывать Тарелкина, скорее, даже не думал о нем. Внезапная новость о смерти Муромского и пафос требований Тарелкина, а главное, объем запрашиваемого им вознаграждения подстегнули генерала идти в своем стяжательстве до конца:

«Тарелкин (с форсом). Кто тут радел, кто действовал?.. Извольте оценить!.. Я отсюда без того не выйду – оцените!.. (Дерзко.) Мое участие на половину простирается.

Варравин (вспыхнув). На половину... (В сторону.) Вот я тебя выучу. (Вслух.) Что ж, на половину, так на половину...»⁴

Возможно, попроси Тарелкин долю поскромнее, он не остался бы обманут. Тем более, он по неосторожности сам подсказал генералу, что «все крючки и петельки потонули»⁵, т. е. что Варравин может не опасаться неудобных свидетельств. Тем более, с точки зрения Варравина, Тарелкин «не наработал» на половину суммы. И здесь генерал, скорее всего, прав.

Варравин – главный и единственный двигатель интриги. Он единолично разрабатывает план всех этапов своей аферы: направляет к Муромскому парламентера; обозначает перед просителем размер «подношения»; чтобы сломить последнее сопротивление, рекомендует ему обратиться к Князю; получает деньги; устраняет неприятные последствия и избавляется от притязаний своего помощника на заслуженную долю.

Тарелкин, служащий посредником в его переговорах с Муромским, действует исключительно в соответствии с указаниями «шефа». Служебные полномочия Тарелкина не оставляют ему возможности вести собственную игру. Тарелкин осознает свое бессилие, но до последнего не признается в нем даже самому себе, выстраивая перед окружающими, да и в мыслях, иллюзию собственной значимости и какой-либо самостоятельности.

Варравина и Кречинского роднит общий замысел – перед ними стоит задача ограбить Муромского. То, что не удалось аферисту-идеалисту, совершает генерал от «правосудия, граничащего со светопредставлением». И Кречинскому, и Варравину в осуществлении их интриги мешает случай. Варравин не мог предугадать, какое влияние окажет упрямство Муромского на самочувствие и деловой настрой Князя. И уж совсем неожиданным для него стало явление Очень Важного лица и Важного лица в момент, когда Муромский потерял сознание в присутственном месте.

Но, в отличие от Кречинского, Варравину удается случаю противостоять. Он успевает получить деньги вопреки приказу Князя направить дело на преследование, а присутствие высшего начальства в скандальной ситуации не несет

позорного разоблачения, а, напротив, позволяет ему представить себя в самом выгодном свете. В самом финале случай даже идет генералу навстречу – Муромский умирает, унеся с собой в могилу правду о взятке.

Варравин в построении своих планов небезупречен. Во втором действии он не соглашается с предложением Муромского о масштабах взятки и запрашивает с него втрое больше. Это оборачивается долгой дорогой к получению денег, двукратным оправданием перед Начальством, опасностью краха. Тарелкин неоднократно упрекает патрона за несговорчивость, которая способна погубить всю интригу:

«Варравин (с досадою). И что же! Вздумал предложение делать на третью долю.

Тарелкин. Однако таки предложение сделал. Эх, Ваше Превосходительство! махнуть бы вам рукой.

Варравин. Я сказал, нельзя»⁶.

«Тарелкин. Вот не угодно было согласиться на первое предложение Муромского»⁷.

В конечном итоге алчность Варравина, изначально нацеленного на большой доход, оказывается вознаграждена.

Создавая страшный мир судебных присутствий, автор поставил Варравина в двоякую ситуацию, в которой он одновременно и является и не является воплощением антихриста. Как явление, как типичный представитель судебной коррумпированной бюрократии он, несомненно, – зловещая апокалиптическая фигура, однако в условиях драматического сюжета он все-таки человек, который, так же как и его «жертвы», может стать объектом судебного преследования («у меня от этих порядков дух захватило... Гм, гм... Следствие?»⁸).

Опутывая семейство Муромских паутиной угроз и шантажа, Варравин сделал серьезную ошибку, позволив Петру Константиновичу познакомиться с Князем: «Ну, стало, пусть его к князю и едет. Хорошо бы, если бы его так направить, чтобы он явился к нему утром, ранехонько, пока тот по залам разминается да содовую пьет... Да чтоб он в самую содовую попал!.. А если попадет, то он неизбежно там напорется... и как только тот по своей натуре на него крикнет, так он опять у нас и будет»⁹.

И осознает Варравин эту ошибку слишком поздно («Азартный человек – опасен»¹⁰). После сцены у Князя дело отправлено на преследование. И именно в это время Варравин получает деньги.

Первоначально взятка способна повернуть ход дела или даже полностью снять с Лидочки обвинение. Но на деле Варравин берет деньги именно тогда, когда не в силах оказать какое-то влияние на события. Вместо планировавшегося злоупотребления служебным положением он идет на откровенное мошенничество. Причем этот переход не вызывает у него никакого дискомфорта

– только с досадой замечает он: «Если взять, а дела ему не сделать – он, пожалуй, скандал сделает. В нем совсем нет той скромности, как вот прочие просители»¹¹. И, несмотря на угрозу «скандала», он все-таки идет на риск.

Внезапное появление «Начальств» над телом бесчувственного Муромского должно было обернуться для него катастрофой, но он нашел возможность выкрутиться и тут. Даже маячащая впереди угроза расследования его не очень пугает – он изнутри знает механизм этих процедур:

«Варравин. Пожалуй, помещик-то и при следствии такой же жар окажет! – Или, может быть, к тому времени и поохолодает; потому он преспокойно показать может, что я-де действительно деньги эти на столе по неосмотрительности оставил, а что действительный статский советник Варравин принял их за подкуп, в том не виновен. Да если и горшее предположить: оставят в подозрении – эка штука! Я много кого оставил – все здоровы, еще и кланяться приказывают...»¹²

О том, что его вина может быть признана и его осудят, он и не думает – такое развитие ситуации он считает невозможным. Система не выдает своих, что делает его до какой-то степени неуязвимым. Самое плохое, что может с ним случиться, – он прервет службу:

«Варравин. Что ж, уберусь в свою и я... княжеская была... Сахарный завод поставлю – помещик буду, звание почтенное... Конечно, не сановник – а все же почтенное»¹³.

Ни в разговорах с Тарелкиным, ни наедине с собой Варравин более не вспоминает о других своих аферах. Но это почти мимоходом брошенная недоговорка «княжеская была» свидетельствует об уже имевшемся у генерала опыте взяток в крупных размерах. Иначе откуда у него, вышедшего из низов служаки, «своя» деревня?

Сухово-Кобылин и в этом отношении сохраняет свое двойственное отношение к герою – ему одновременно и может, и не может угрожать опасность, он одновременно и боится разоблачения, и уверен в его невозможности. На проблему неосудимости героя отчасти указывает и его фамилия, напоминающая о евангельском разбойнике, на освобождении которого настаивала иерусалимская толпа в день осуждения Христа.

Возможно, работая над его образом, автор не пришел к единому видению своего героя.

Варравин рискует и выигрывает, но автор тут же пытается снизить долю риска, обосновывая защищенность генерала. Игра Варравина не до конца понятна автору. Для биографического Сухова-Кобылина Варравин – личный враг, воплощение бездушной и коррупционной машины, сломавшей ему самому жизнь. Слишком многое пытался воплотить автор в этом образе. Выписывая Варравина, Сухово-Кобылин не всегда мог справиться с эмоциями, связанными в его сознании со статскими советниками от правосудия. Поэтому и теряется цельность Варравина, поэтому постоянно обнаруживаются в его поведении противоположные, взаимоисключающие черты. Чтобы сделать образ абсолютно четким и однозначным, автор должен понять его психологию. Но, судя по всему, Сухово-Кобылин не хотел заглядывать в душу деятелей («судопроизводства, переходящего в светопреставление»). Служащие уровня Тарелкина – малоинициативные исполнители – ему были понятны, высокопоставленные сановники вроде Князя были ему лично известны («Фигура Важного Лица, Князя весьма отчетливо напоминает, например, самого министра юстиции николаевских времен графа Панина, принимавшего участие в деле Сухова-Кобылина и хорошо знакомого драматургу»¹⁴). А вот варравины, похоже, так и остались для автора загадкой.

Примечания

- 1 Сухово-Кобылин А. Трилогия. М.: JL, 1959. С. 142–143.
- 2 Там же. С. 143.
- 3 Рассадин С. Гений и злодейство, или Гений Сухова-Кобылина. М., 1989. С. 218.
- 4 Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 218.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 167.
- 7 Там же. С. 192.
- 8 Там же. С. 217.
- 9 Там же. С. 169.
- 10 Там же. С. 192.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 217.
- 13 Там же.
- 14 Рудницкий К. А. В. Сухово-Кобылин: очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 182.